

Военные
Приключения

ГРОЗА НАД ЦХИНВАЛОМ

В. ПИЩЕНКО А. МАРКОВ

Военные приключения

Виталий Пищенко

Гроза над Цхинвалом

«ВЕЧЕ»

2010

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2)

Пищенко В. И.

Гроза над Цхинвалом / В. И. Пищенко — «ВЕЧЕ»,
2010 — (Военные приключения)

ISBN 978-5-9533-4858-4

В период Олимпийских игр войны прекращаются... Давнее правило, известное всем. Но и оно оказалось нарушено, и небо над Южной Осетией расцвели отнюдь не огни праздничного фейерверка. В одночасье изменилась жизнь тележурналиста Сергея Комова, учителя Хасана Ревазова, студента Арчила Гегечкори, тысяч других людей. И долго еще те, кто сумел выжить в аду «операции по установлению конституционного порядка», будут проводить для себя границу: жизнь до войны и – после нее.

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2)

ISBN 978-5-9533-4858-4

© Пищенко В. И., 2010

© ВЕЧЕ, 2010

Содержание

Войны еще не было...	6
Сергей Комов	6
Олег Светлов	10
Сергей Комов	14
День первый	17
Сергей Комов	17
Арчил Гегечкори	19
Сергей Комов	22
Олег Светлов	25
Сергей Комов	26
Арчил Гегечкори	29
Сергей Комов	31
Эйнар	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Виталий Иванович Пищенко,
Александр Владимирович Марков
Гроза над Цхинвалом**

© Пищенко В.И., Марков А.В., 2010

© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

* * *

*Авторы выражают благодарность Алексею Борзенко, Алексею
Комарову и Александру Александровичу Щелокову за помощь в работе
над этой книгой*

Войны еще не было...

Сергей Комов

Начиналось все стандартно. Вот уже пять лет подряд, каждый август, Сергей старался уехать в Южную Осетию. В командировку. В Москве наступало затишье. Все разъезжались в отпуска, в теплые страны, но в успевшем опостылеть Египте в эту пору было слишком жарко, да и не тянуло Комова в места, где приезжие большую часть времени проводят на пляже, будто котики на лежбище. Бездельничать в офисе за компьютером тоже было скучно, лучше проводить время на свежем воздухе. Южная Осетия подходила для этого как нельзя лучше. Правда, в августе у грузин регулярно случалось небольшое «обострение», но именно оно и служило основанием для очередной командировки.

Грузинское вино никому в мире оказалось ненужным, не выдерживало оно конкуренции с благородными напитками из Франции, Испании, Италии и прежде находило сбыт только в России, а когда и Россия закупать его перестала, выращивать лозу никакого смысла уже не было. Вот грузины и томились без дела. Чтобы как-нибудь развлечься, они начинали обстреливать непокорного соседа, но не сильно, не очень прицельно, а так, будто у них скопилось слишком много боеприпасов и их надо обязательно использовать, чтобы освободить место для тех, что поступят попозже. Грузинские склады походили на ведро, в которое постоянно капает с крыши вода, – капля за каплей, наполняет ведро до краев, потом начинает через них переливаться. Ведро надо хоть немного, но опорожнить, вылить из него часть неизменно поступающей влаги. Вот и грузинские военные освобождали место в своих загашниках, благо щедрые американцы (да и не только они) присылали все больше и больше боеприпасов. Ведро на такие объемы не было рассчитано...

К сентябрю грузины обычно успокаивались. Дети по обе стороны границы шли в школы. Наступало затишье до следующего августа.

Пассажирские самолеты в Цхинвали не летали, иных видов авиационной связи с Южной Осетией тоже не было – не брать же в расчет грузинские беспилотники, которые в большинстве своем сбивались югоосетинскими ПВО. Ближайший аэропорт находился во Владикавказе, но достать билеты удалось лишь до Минеральных Вод. Дальше предстояло добираться на перекладных.

Комов с оператором были лакомым кусочком для частных извозчиков. Их в любом аэропорту множество. Они стоят на пути толпы, вливающейся в здание аэровокзала, точно утесы на дороге у морских волн, и тихо, будто речь идет о какой-то особенно изысканной контрабанде, предлагают свои услуги.

– Такси, такси, такси, – расхваливают они свой товар, как на базаре, хотя абсолютно неясно, повезут тебя на «мерседесе» или на проржавленных «жигулях», место которым скорее на свалке, чем на дороге.

– Сколько до Владикавказа? – ради приличия спросил Сергей.

Небритый мужик, похоже, не сразу понял, что вопрос обращен к нему. Машинально затянул привычное, как заклинание: «Та-а...» – но какие-то шестеренки в его мозгу уже прокрутились, и «извозчик» принялся торопливо сообщать, что бензин дорожает, запчасти – тоже и любая поездка превращается для него в сплошные убытки. Названную наконец безумную цену Сергей пропустил мимо ушей, даже переспрашивать не стал.

– А за сколько поедешь? – двинулся следом за ним частник.

Было ясно, что он не хотел упускать выгодных клиентов, которым надо доехать не до ближайшей улицы, а до другого города. Таких заказчиков не то что сегодня, а в ближайший месяц не найдешь, сколько ни стой возле аэропорта.

Эта торговля сродни той, что происходит на восточном базаре, где просто необходимо сразу же сбить цену вдвое, иначе продавец не будет испытывать к тебе никакого уважения, особенно если ты сразу же протянешь ему то, что он требует. Зато если через полчаса, уже охрипнув, вы все-таки придете к соглашению, у него останется о тебе неизгладимое впечатление, и он всем своим знакомым и родственникам будет с гордостью рассказывать о том, как вдохновенно торговался.

К общему знаменателю пришли не через полчаса, а всего лишь через десять минут. Водитель заметил алчные взгляды, которые бросали на его потенциальных клиентов конкуренты, – они все теснее и теснее сбивались вокруг, как хищники, которые почувствовали запах добычи и готовы в любую минуту броситься и растерзать ее. Частник явно боялся, что жадные собраты услышат, о какой сумме идет речь, и кто-нибудь из них согласится на нее, крикнет, что он запросто готов за эти деньги отвезти клиентов во Владикавказ. Тогда останется лишь хватать сумки приезжих, чуть ли не силком тащить заказчиков в свою машину, приговаривая, что цена его устраивает, а то и снижать оговоренную сумму... Рисковать «извозчику» совсем не хотелось.

– Задний багажник открой. Шмотки надо положить, – сказал Сергей водителю, когда тот подвел их с оператором к старой, на ладан дышащей «волге» бледно-желтого цвета.

Климат здесь был хороший не только для людей, но и для машин тоже. Автомобили ржавели не очень быстро, а люди старели медленно, казалось, что и те, и другие находятся в условиях легкой консервации. В деревнях можно было отыскать оружие, которому стукнуло больше сотни лет, и оно все еще находилось в исправном состоянии. Сергей давно мечтал, но никак не решался приобрести старинный карамултук. У этих ружей были резные приклады и выглядели они потрясающе. Их передавали по наследству, от отца к сыну, чтобы потомки помнили, с чем в руках воевали их предки. Комов не знал – расстанется ли кто с такой реликвией, да и в аэропорту (хотя границу он и не пересекал) с провозом карамултука могли возникнуть проблемы, хотя в наши дни фитильными ружьями никто уже не пользуется. Придумали кое-что поэффективнее. Если традиция в этих местах сохранится, участники сегодняшних войн будут передавать сыновьям автоматы Калашникова и пистолеты Стечкина...

Когда водитель переключил коробку скоростей и надавил на газ, в машине что-то заскрежетало, как будто вся она состояла из заржавевших, давным-давно не смазывавшихся шестеренок. Казалось, что с места стронутся только колеса и днище, а кузов останется стоять у здания аэровокзала. Но и он, натужно качнувшись, двинулся следом за колесами, которые подняли такую пыль, словно ставили дымовую завесу, чтобы конкуренты не бросились следом за «волгой» на тот случай, если она все же сломается и клиентам придется искать другую машину. И то сказать, не оставаться же им посреди безлюдной дороги. Ночь уже приближалась.

– Куда путь держим? – попытался разговорить клиентов водитель.

– В Цхинвали, – честно признался Сергей.

– У-у-у-у, – протянул хозяин «волги», прикидывая что-то в уме. Наконец калькулятор, вживленный в его мозги, сделал все необходимые расчеты. – Что же вы сразу не сказали? Я мог бы вас довезти и до Цхинвали.

Вероятно, водитель ждал, что Сергей спросит у него «сколько», он ответит, потом они начнут со вкусом торговаться и за этим занятием пройдет большая часть пути.

– Нет, спасибо, – сказал Сергей. – До Цхинвали нас довезут.

– Ну, как знаете... – Водитель обиделся и уставился в лобовое стекло, будто там находилось нечто, чего он никогда прежде не видел.

Лишь через полчаса хозяин «волги» наконец-то справился с чувствами и решил продолжить разговор:

– Вы с телевидения, что ли?

Такие выводы можно было бы сделать и побыстрее, стоило бросить взгляд на огромную профессиональную камеру и прочее оборудование. Все дальнейшие вопросы были предсказуемы, и Сергей отвечал на них, как светская звезда отвечает на вопросы журналистов, которые не могут выдумать уже ничего нового.

– Сколько весит?

– Десять килограммов.

– Ого! А сколько стоит?

Ответа водитель не услышал или скорее не поверил услышанному.

– Сколько, сколько? – переспросил он, и когда ему повторили цену камеры, сказал: – И не боитесь с такой вот хреновиной ездить во всякие стремные места?

– Боимся, – сказал Сергей, – но что уж тут поделаешь. Работа такая.

– Да-а... – протянул водитель.

Лицо его подобрело. Видимо, он думал над тем, чтобы сделать небольшую скидку своим клиентам. Но голос разума победил. Водитель промолчал.

Во Владикавказ они въехали уже в сумерки. Тусклый свет фар выхватывал металлический забор, за которым лаяли разбуженные ревом мотора собаки.

– Мы здесь всех перебудим, – сказал водитель.

Уж не боялся ли он, что кто-то вытащит из-под кровати старинное ружье, выбежит из дома и выстрелит в нарушителей покоя?

Сергей заранее условился со своим знакомым, что тот встретит их у здания вокзала.

На площади стояло не более десятка машин. Все они были с потушенными фарами. Из привокзальных кафе – домишек, обшитых пластиковым сайдингом, – доносилась музыка и тянуло ароматом вкусностей. Сергей окинул взглядом стоянку. Он искал грязно-белую «девятку» и нашел ее, когда она сама подала признаки жизни: внутри салона зажегся свет, водительская дверь отворилась, из машины вышел человек и замахал «волге».

– Туда, – сказал Сергей водителю.

– Я понял, – кивнул «извозчик».

«Волгу» чуть протасило вперед, прежде чем она наконец-то остановилась.

Комов расплатился, вышел из машины, помог оператору вытащить из багажника аппаратуру и вещи. Тем временем хозяин «жигулей» уже подошел к ним.

– Здравствуй, Хасан, – сказал Сергей, обнявшись с водителем «девятки».

– Здравствуй, друг, – ответил тот.

Они были знакомы уже пять лет. Познакомились во время первого приезда Комова в Южную Осетию, тогда Хасан сильно помог ему. Он знакомил журналиста с людьми, показывал кладбища тех, кто погиб в начале девяностых, когда осетины выбили грузин со своей территории. Тогда мест на кладбищах на всех не хватало. Кого-то похоронили даже во дворе школы, где раньше было футбольное поле. У Хасана там лежали два брата.

Водитель «волги» с неохотой расставался со своими клиентами. Смотрел на Хасана с недоверием, точно был ответственен перед пассажирами, и проверял – в хорошие ли руки их передает. Наконец сомнения его, похоже, развеялись.

– Счастливо добратся, – сказал «извозчик».

– И тебе того же, – ответил Сергей. – Спасибо, что довез.

– Не за что, – водитель расплылся в улыбке. – Если чего – обращайтесь.

Он протянул Сергею клочок бумаги, на котором был написан номер телефона, и пошел к машине. Двигатель «волги» и вправду работал слишком громко. Теперь, когда они выбрались из машины, его тархтение казалось оглушительным.

- Рисковые вы ребята. Ночью ехать опасно, – сказал Хасан, увлекая гостей в сторону «девятки».
- Злые разбойники нападут? – пошутил Сергей.
- Откуда у нас злые разбойники? – Хасан открыл багажник. Потом серьезно сказал: – Но они есть южнее, по другую сторону границы. Фары ночью далеко видно. Обстрелять могут.
- Может, не стоит свет включать?
- С дороги так улетим, что не соберут.
- Тогда остается рискнуть.
- Да. Ничего, не в первый раз...

Олег Светлов

Уснуть никак не удавалось. Светлов переворачивался с боку на бок, ложился на спину, пытался считать до тысячи – все было без толку, сон не шел. Вообще-то было еще рановато – Олег привык ложиться за полночь. Нудно стучали колеса, да и соседка с нижней полки раздражала. Полная миловидная дама упорно выводила носом замысловатые рулады. Это не был шальной залиvistый храп, но и они не позволяли сознанию отключиться от действительности. И голова болела. Не сильно – противной давящей болью.

Олег вздохнул. Ладно, как-нибудь переживем. В гостинице можно будет и отдохнуть, и расслабиться. Правильно он все же сделал, что заехал в Сухум...

Они с Нестором Джикирбой сидели за вынесенным на улицу столом и неспешно беседовали. Ночь уже опустилась на город, слабый ветер приносил пряные запахи моря.

– Видишь эти фонари? – спросил Нестор.

Олег кивнул.

– Обрати внимание: вокруг одного так и вьются бабочки, жуки, другие насекомые. У меня племянник энтомологией увлекается. Как приедет, берет свои морилки, сушилки, распрямилки и его вечером от этого фонаря не отгонишь. Говорит, что собрал под ним коллекцию чуть ли не всех летающих членистоногих здешних мест. А возле другого фонаря – пусто. Я сначала думал, что в лампочке дело. Несколько раз менял, но все по-прежнему.

– И что? – спросил Олег.

– Эти фонари мне людей напоминают, – улыбнулся Джикирба. – Почему один вокруг себя толпу собирает, а другой никому не нужен? При этом, заметь, совсем не обязательно, чтобы этот одиночка плохим человеком был. Чаще наоборот получается, люди по непонятной причине тянутся к разным прохвостам и подлецам, верят им, чуть ли не на руках начинают носить. Да что там! Вспомни девяностые годы. Сколько тогда всякой грязи и пены всплыло, а народ этих «лидеров» чуть ли не боготворил. Эх, люди... Чем дольше живу, тем больше удивляюсь. Поговоришь с человеком – все при нем: ум, логика, рассудочность. С другим встретишься – то же самое. Третий подойдет – одно удовольствие. А как все трое сойдутся, хоть караул кричи! Куда все лучшее девается? Откуда глупость лезет? Вот скажи, ты тогда верил, что буквально все могут в одночасье богатыми стать?

– Нет, – покачал головой Светлов. – И сейчас не верю, – он пригубил бокал ароматной «Алазанской долины» и добавил: – Такого не может быть даже теоретически.

– Вот, – усмехнулся Нестор. – И я не верил. Один раз даже попытался объяснить людям, что их на пустой крючок ловят. Не здесь, не у нас, в Одессе. Я там в командировке был и забрел на митинг. Слушать не стали! Спихнули с трибуны, хорошо еще не побили.

– Ну, сейчас-то люди поумнели...

– Кое-кто вразумился. Многие, я бы сказал. Только поздно уже. А молодые подрастают, нам не верят. Они уже другие, их не старшее поколение, а телевизор с Интернетом воспитывают.

– Мы тоже газетам верили...

– Верили, но при этом еще и думали. Я часто прикидываю, можно ли было всего, что произошло, избежать. И решил – можно! Надо было сразу расстрелять пару тысяч «перестройщиков», которые думали только о своем брюхе, кармане да о том, как к власти прорваться.

– Ну, друг! Это ты хватил. Если начать за инакомыслие расстреливать, добра не жди. Да и проходили мы уже это.

Нестор вновь наполнил бокалы, пододвинул поближе тарелку с аккуратными ломтиками нежнейшего местного сыра.

– За мысли наказывать нельзя, – согласился он. – Думай, как считаешь нужным. Говорить о своих идеях тоже можешь. На кухне, с друзьями, на собрании, на митинге, наконец. Но если от речей к делу переходишь, готовься перед людьми ответить. И по закону, и по совести. Знаешь, я Гулаг и репрессии не оправдываю, хотя и непонятно мне, почему до сих пор всей правды о том периоде никто так и не сказал. Списки пострадавших сохранились? Вот и опубликуй, сколько людей, в каком году и за что наказано было. Все укажи: какой пост репрессированный занимал, какой национальности был. Может, тогда картина и прояснится? Но, повторюсь, сделанное в те годы не оправдываю. Только мне другое интересно: подсчитывает ли кто-нибудь, сколько людских жизней «демократические преобразования» унесли? В войнах, которые карьеристы-скорооспелки развязали, от бандитского беспредела, от того, что сердца у людей не выдерживают. Да прибавить сюда тех, кто от обиды и отчаяния сам на себя руки наложил. Боюсь, что цифра не менее страшная получится.

– Мне в девяносто втором в Приднестровье генерал Лебедь говорил, что Перестройка переходит в Перестрелку. Для тех, кто сумеет выжить, наступит третий этап – Переключка, – невесело улыбнулся Олег.

– Переключка – слово хорошее, – убежденно сказал Нестор. – В школе переключка первого сентября всегда праздником была: друзей увидишь, порадуешься. Думаю, и нам пора оглянуться, подсчитать тех, кто рядом остался, кто понял, что нельзя жить только для себя, что слово Родина – не пустой звук, оценить, что нам предки оставили, задуматься, что мы потомкам передадим.

– Согласен, – кивнул Светлов. – Только для такого дела государству лидер нужен. Настоящий лидер.

– Будет, – уверенно заявил Джикирба. – Не верю, чтобы в такой стране, как Россия, такого человека не нашлось. Не с севера придет, так с юга, не с запада, так с востока. Давай, друг, за это выпьем.

– С удовольствием, – поднял бокал Олег.

С Нестором они были знакомы более полутора десятилетий. Летом девяносто первого Светлов получил путевку в пицундский Дом творчества. Прилетел в Сухуми ночью, вместе с другими пассажирами вышел из самолета, прошел в здание аэровокзала и растерялся. Обычно малолюдный зал ожидания был забит битком. Оказалось, что уже несколько дней бастуют железнодорожники, а накануне к ним присоединились и водители автобусов. Чего они добивались, сегодня Олег уже не помнил, скорее всего, требовали свою часть общенародного пирога. Причем срочно. Тогда многие были уверены: стоит только разделить Советский Союз на части, как сразу и повсеместно наступит всеобщее благоденствие.

Выругавшись про себя, Светлов вышел на привокзальную площадь, разыскал хорошо упитанного милиционера, который спокойно торчал под ближайшим фонарем. На вопрос, что можно в такой ситуации предпринять, страж правопорядка пожал жирными плечами, потом снизошел до надоедливой приезджего и разверз уста. Совет был на диво оригинален: «Ищи частника». Чертыхнувшись еще раз, Олег решил ему последовать.

Сравнительно быстро он сговорился с водителем «рафика», готовым доехать до Пицунды.

– По четвертной с носа, – заявил предприимчивый водила и тут же поставил еще одно условие: – Ищи компаньонов или плати за каждое пустое место из своего кармана, мне все равно.

Отдать за поездку двести пятьдесят рублей Светлов не мог, поэтому направился к выводку молдавских писателей – они прибыли с женами, детьми, тещами и тоже направлялись в Пицунду. Выслушав Олега, инженеры человеческих душ посоветовались, погладили по макушкам хнычущих, невыспавшихся наследников, после чего объявили:

– Дорого. Говорят, в обед туда теплоход пойдет. Мы подождем.

Раздраженный и сердитый Светлов опять вышел на улицу. Выудил из пачки сигарету, закурил. В этот момент и затормозила рядом серая «волга» двадцать первой модели.

– Тебе куда? – спросил, перегибаясь через пассажирское сиденье, водитель.

– В Пицунду, – буркнул Олег.

– Садись, – и дверца распахнулась.

– Сколько возьмете? – спросил Светлов.

– Сговоримся, – равнодушно ответил владелец «волги».

Остались позади здание-аквариум аэровокзала и толпящиеся вокруг него люди. По сторонам мелькали добротные дома, укрывшиеся за высокими заборами. Небо начинало сереть – ночь была уже на исходе.

– Дом творчества у нас неплохой, – сказал водитель, узнавший, зачем приехал в Абхазию его пассажир, и неожиданно закончил: – Только кормят там плохо.

Перехватил недоверчивый взгляд Олега и подтвердил:

– Правда, плохо. Я знаю.

– Что-нибудь придумаю, – пожал плечами Светлов.

– Для начала заедем ко мне и позавтракаем, – предложил водитель. – На сытую голову думается лучше.

Так Олег и познакомился с Нестором. Денег со Светлова за ту поездку Джикирба тогда так и не взял. Кстати, экономные молдаване добрались до Дома творчества только к вечеру следующего дня. На теплоходе...

Давно это было. В другом государстве, в другие времена, в другой жизни.

– Значит завтра уезжаешь? – спросил Нестор.

– Да, – подтвердил Олег.

– Не лучшее время выбрал, – вздохнул Джикирба. – Постреливают в Цхинвале.

– Там уже полтора десятилетия постреливают, – махнул рукой Светлов.

– И это правда, – не стал спорить Нестор. – И все равно не пойму, что тебя туда гонит?

– Смеяться будешь, – улыбнулся Олег. – Ладно, расскажу. Когда я был мальчишкой, жили мы в небольшом двухэтажном доме на восемь квартир. Телевизоров еще не было. Вернее, были, но мало у кого. В нашем доме народ небогатый жил, но дружный. Вечером собирали ребятишек, выносили фильмоскоп и прямо на стене дома смотрели диафильмы.

– Помню такое дело, – глаза Джикирбы заискрились весельем. – И у меня в детстве фильмоскоп был.

– Ну вот... С тех пор запомнилась мне одна пленка. Вернее, строки из нее:

Говорит сказанье нартов:

«Кто отважней всех отважных?

Витязей затмив отвагой,

Всех отважней – Даханого.

Нестор продолжил:

Всадник доблестный в походе, —

Кто девицу в нем признает?

Серебрится грудь кольчугой,

Всадником скакун гордится.

На море – непобедима,

На земле – неукротима,

Как стрела – неотвратима

В битве грозной Даханого.

Конь ее руке послушен:
Догоняющий отстанет.
Молнией в руке оружие:
Нападающий погибнет...»

– Именно так, – подтвердил Светлов. – Заинтересовался я, кто такие нарты. Ну а дальше все просто...

– О нартах и в наших легендах рассказывают, – напомнил Джикирба.

– А еще у карачаевцев, абазин, адыгов, балкарцев, убыхов, чеченцев, ингушей. Но в осетинском эпосе есть свои, неповторимые вариации. Во Владикавказе я уже был, теперь хочу поработать в университете Цхинвала.

– Ладно, тебе виднее, как поступать, – согласился Нестор. – Поездом поедешь? Это ведь долго.

– А что делать? – спросил Олег. – Самолеты туда из Сочи не летают. Придется трястись восемнадцать с половиной часов. Все лучше, чем на перекладных.

– Это верно, – вздохнул Джикирба. – Эх, оторвать бы руки тем, кто единую страну на куски растащил! А заодно и головы. Но хватит об этом... На вокзал тебя я сам отвезу.

– А как же твои питомцы? – спросил Светлов. – Не заскучают.

– Обидятся, – рассмеялся Нестор. – Ничего, я человек опытный, знаю, как к ним подлизаться.

Вот уже много лет Джикирба работал лаборантом в знаменитом на весь свет сухумском обезьяньем питомнике. Помнил и времена его расцвета, и страшные годы военного конфликта с Грузией. Тогда перепившиеся представители «титульной нации» стреляли ради развлечения по перепуганным животным. Трех визжащих от ужаса обезьян Нестор унес домой и сумел спасти от неминуемой смерти. Эти марышки долго еще жили в питомнике, но так и не стали прежними веселыми и беззаботными существами. Похоже, люди забывают постигшие их беды быстрее, чем братья наши меньшие...

Поезд замедлил ход, потом дернулся и остановился. Олег посмотрел на часы. Похоже, Армавир-Туапсинский. Стоять здесь будет двадцать минут.

Он осторожно, стараясь не разбудить спящих соседей, спустился с полки, покинул душное купе, прошел по безлюдному вагону и вышел на перрон. Бывать на этой станции Светлову доводилось и раньше. Помнил он и краснокирпичную водонапорную башню, и одноэтажное здание вокзала. Построили его полностью симметричным – с путей оно выглядело точно также, как и с привокзальной площади.

На перроне никого не было, только зевающая проводница посматривала на нахохлившегося Олега.

– Не спится? – добродушно улыбнулась она.

– Да, – признался Светлов. – Еще и голова разболелась.

– У меня есть таблетки. «Кетанов», – сказала проводница. – Сильное средство. Могу поделиться.

– Буду очень признателен, – улыбнулся Олег.

Сергей Комов

Сергей открыл окно. Обычно днем, когда в Рокском тоннеле скапливалось множество автомобилей, дышать здесь было невозможно – пусть внутри машины нестерпимо жарко, все равно спертый воздух салона лучше, чем выхлопные газы, заполнявшие пробитый в горах ход. Тоннель строили с запасом: когда-то рассчитывали, что он будет пропускать две с половиной тысячи машин в сутки, но через него могло протиснуться и вдвое большее количество. Правда, тогда устаревшая система вентиляции не справлялась... Но сейчас машин в тоннеле было очень мало. «Девятка», чуть покачиваясь, мчалась по неровному асфальту, на котором кое-где виднелись выбоины от танковых гусениц, точно еще не зажившие царапины от когтей на коже.

Рокский тоннель возвели больше двадцати лет назад. Он считался одним из самых длинных в Советском Союзе, это был единственный путь из Северной Осетии в Южную, строили его всей страной, да тогда иначе и быть не могло. О ходе работ снимали репортажи, которые показывали в каждом кинотеатре перед сеансом. О скальную породу обломала бы зубы любая из тех машин, которые применяются, к примеру, при строительстве метро. Породу приходилось взрывать, продвигались на считанные метры. Шли сразу с двух сторон, в течение десяти лет, а когда осталось совсем чуть-чуть, то организовали сводный отряд – точно его посылали на штурм последнего бастиона врага, на вершине которого любой ценой надо установить знамя Родины. В этот отряд вошли лучшие из лучших, именно они и встретились в месте сбойки. Радости было столько, будто прорвали блокаду... Свершилось то, о чем мечтали не одно столетие! Ведь до появления тоннеля перевал приходилось преодолевать чуть ли не пешком, по горным тропам. Без поклажи на это уходил целый день, а если был какой-никакой груз, то дорога могла занять и несколько суток.

Сергей засек время, когда «девятка» въехала в тоннель, и бросил взгляд на часы, когда они оттуда выбрались. На все про все ушло менее пяти минут. Ему показалось, что они едут слишком быстро, но, посмотрев на спидометр «девятки», журналист обнаружил, что машина движется со скоростью всего-то около восьмидесяти километров в час. Почему-то в голову пришла мысль, что, хотя внутри и установлены камеры наблюдения, никто не стал бы штрафовать их за превышение скорости...

Проскочили пост миротворцев, установленный на выезде из тоннеля. Да, это была настоящая дорога жизни... Если ее разрушить, то Южная Осетия окажется отрезанной от России и никто не успеет прийти на помощь миротворцам, вздумай грузины напасть на осетин. А они не раз пытались это сделать. В девяносто первом на подходах к тоннелю едва удалось остановить грузинский «газик», до отказа набитый взрывчаткой. Похоже, его вел смертник. Иное объяснение придумать не удавалось. Надо ведь загнать машину в тоннель, выбраться из нее, добежать до выхода (а это, как минимум, с километр), подорвать взрывчатку, при этом не попасть в руки ни миротворцев, которые охраняют тоннель, ни осетин. Эти-то точно устроят самосуд над тем, кто перерезал дорогу жизни. Нет, это не версия, слишком все сложно. Когда камеры слежения зафиксируют, что кто-то бросил в тоннеле машину и бежит прочь, намерения беглеца сразу станут ясны. Его остановят, а может, и взрывчатку в машине успеют обезвредить. Взрывать должен смертник. Но тоннель построен с расчетом, чтобы выдержал девятибалльные сейсмические колебания. Пожалуй, и «газика» со взрывчаткой окажется мало, чтобы его разрушить... И все-таки, проезжая по тоннелю, Сергей невольно втягивал голову в плечи, мысленно представляя, как после мощного взрыва обваливаются своды, погребая под чудовищной массой обломков всех, кто в нем находится. Пять метров воздуха над головой, потом слой бетона, а над ними – километр горных пород: слишком много для надгробья!

Хасан напряженно вглядывался в темноту Сергею не хотелось отвлекать его пустыми разговорами. Он бросил взгляд на заднее сиденье – оператор беззаботно посапывал носом и слабо улыбался чему-то во сне.

Не первый год они работали вместе, привыкли друг к другу, притерлись. С первого взгляда Женька Корольков производил неизгладимо отталкивающее впечатление. Оплывший, одетый в донельзя затертый джинсовый костюм, на плечи спадают давно немывтые патлы, взгляд сонно-равнодушный... Вывести его из равновесия было невозможно, на шуточки Женька никак не реагировал, легко откликнулся на прилипшее к нему обидное прозвище Беляш. Но, когда подходило время съемки, рыхлый, неповоротливый толстяк исчезал, вместо него неведомым образом появлялся хищно подтянутый профессионал с почти сверхъестественной реакцией.

Дорога, ведущая в Цхинвали, была пустой. И город встретил их безлюдьем. Все попрятались по домам. Но внешне за прошедший год здесь почти ничего не изменилось.

Дом, где обычно останавливался Сергей, находился на улице имени Сталина. По одной из легенд, именно здесь и жил некогда вождь народов, более того, ходили упорные слухи, что на самом-то деле Сталин родился не в Гори, а в Цхинвале и по национальности был не грузином, а осетином. Когда-то и памятник Иосифу Виссарионовичу здесь стоял. Во время первой войны с «титульной нацией» в него угодил грузинский снаряд и разнес памятник на куски, так что его даже самый опытный реставратор не смог бы восстановить. Грузины потом уверяли, что подорвали памятник осетины. Впрочем, выяснять истину никто особо не стремился. Кому нужен памятник, чудом переживший борьбу «с культом личности»? В те недавние годы стало модным искоренять все, что было связано с советскими временами. Правда, грузины почему-то не спешили избавиться от бывшего члена бывшего Политбюро ЦК КПСС Шеварднадзе. Это они сделали гораздо позже и не без помощи добреньких дяденек из-за океана...

Многие памятники изготавливали из цветных металлов. Их можно было сдать в пункт вторсырья. Если не удавалось свалить памятник с постамента и распилить на части, а в целом виде его и везти, и тем более нести было трудновато, то отпиливали какую-нибудь часть, без которой памятник вполне мог существовать. Руку, ногу, а то и голову. Но памятник Сталину был из гипса, и материальной ценности в нем никакой не было. В общем, памятника не стало, а улицу не переименовали.

Заслышав шум подъезжающей машины, из дома вышла хозяйка.

– Ну что ж вы не спите? – сказал Сергей, немного расстроенный тем, что разбудил старую женщину.

– Да что мне спать-то? Вас ждала.

Чем снимать номер в гостинице, которых в Цхинвали к тому же был дефицит, лучше жить у кого-то на дому. Руководствовался при этом Сергей даже не тем, что так дешевле выходит – все равно все затраты оплачивала компания. Просто дом есть дом. Хозяева следят за его состоянием получше, нежели сотрудники гостиницы за номерами. Это в Абхазию туристы приезжали и со всей необъятной, и из-за ее рубежей, да и прямые рейсы были на катере из Сочи продолжительностью в один день – так чтобы успеть посетить все достопримечательности, отведать местных угощений и вернуться в свою гостиницу до полуночи. В Южной Осетии и в былые времена туристов почти не видали, а сегодня местные жители и вовсе были лишены этого источника доходов. Здесь вообще с доходами было тяжело. Вот Сергей и инвестировал каждый год немного денег в сохранение местного частного сектора, вносил посильную лепту в помощь дружественному народу.

– Что-то мы и не поговорили нормально, – журналист повернулся к Хасану.

– Да, – вздохнул тот. – Я виноват.

– Что, проблемы? – насторожился Сергей.

– Какие у меня проблемы? – махнул рукой Хасан. – Все хорошо. Вот в целом – дела дрянь. Ладно, это долгий разговор. Утром, как выспишься, приеду и все расскажу. А сейчас не обижайся.

– Ну что ты... – начал Сергей, но договорить не успел.

Хасан неловко обнял его, и через несколько мгновений «девятка» растворилась в черноте южной ночи.

Тем временем Беляш успел расцеловать хозяйку, вручил ей какой-то сверток, извлеченный из необъятного кармана джинсухи, сгреб оборудование и канул в двери хорошо ему знакомого дома. Надо думать, отправился досматривать увлекательные сны. Сергею же нестерпимо захотелось смыть с тела пыль, а вместе с ней и неведомо откуда навалившуюся усталость.

Водопровод в Цхинвали провели несколько десятков лет назад, но воды в нем давно не было, и вовсе не оттого, что грузинские власти отключили ее подачу. Водопровод шел через грузинские села. Там в него врезали множество труб и воду воровали. Примерно также, как украинцы присваивали газ из магистралей, проложенных в Западную Европу. Но до европейских потребителей газ все-таки доходил, а вот вода по дороге на Цхинвали заканчивалась. Здесь давно уже научились обходиться без водопровода, разместив на крышах домов огромные, рассчитанные на несколько сотен литров металлические бочки. Воду туда собирали во время дождей, задень она сильно нагревалась, так что всегда можно было принять горячий душ.

– Обстреливали нас два дня назад, – пожаловалась хозяйка, показывая куда-то на крышу, едва Сергей высказал пожелание ополоснуться.

Оказалось, что в бочку угодила осколка и пробил маленькую дырку, аккуратно возле днища. Будь в доме кто помоложе, вмиг взобрался бы на крышу после того, как обстрел закончился, и забил дырку сперва пробкой, точно бочку с вином, а потом наложил на пробоину металлическую заплатку. Но сама бабушка залезть на крышу не смогла, даже приставить лестницу у нее не вышло, не хватило сил, соседей поблизости не оказалось, а пока она бегала искать, кто в беде поможет, вся вода вылилась, ручьем потекла по улице, точно где-то дамбу пробило и городу грозит затопление. Но земля быстро впитала воду – не так уж много ее и было. Дырку еще не заварили.

Перспектива остаться без душа Сергею очень не понравилась, но выхода не было. Он критически осмотрел бочку. Сквозь шелушащуюся, как кожа змеи, краску проступала ржавчина. Пробоина снизу была не заметна.

– А, – махнул он рукой, – завтра попрошу кого-нибудь заделать.

Комов изрядно устал за время поездки и если бы сейчас полез на крышу, пусть даже со сварочным аппаратом и металлической пластинкой, все равно ничего путного из этого бы не вышло. С крыши б не упал, но дырку наверняка заварил бы плохо. Да и воды в бочке все равно уже не было...

День первый

Сергей Комов

Кто ищет на свою голову, а заодно и на другие части тела приключений, тот их обязательно найдет. Эту простую истину Сергей усвоил давным-давно. Хлеб-то надо обрабатывать, а делать это не раз приходилось в тех местах, где очень велика вероятность эти пресловутые приключения найти. Руководство в упрек бы ставило, если б он их не находил. А начинается все одинаково и достаточно спокойно.

Прежде всего, нужно выполнить ряд формальностей: приехать в здание местного правительства, зарегистрироваться там, получить аккредитацию, а уж потом можно и отправляться на поиски приключений. Хотя... Осколок или пуля не будут разбирать – есть у тебя аккредитация или ее еще нет.

Пару дней назад город подвергся обстрелу. В земле зияли воронки, стекла в домах еще не везде заменили, и они смотрели оконными проемами, как глазницы черепов. На одной из улиц, наполовину погрузившись в землю, торчала невзорвавшаяся ракета, похожая на какой-то футуристический цветок, который посадили здесь приверженцы урбанистического стиля. В ракету тыкали пальцами, точно это новая достопримечательность, заменившая взорванный памятник Сталину. Какой-то доброхот сообщил журналистам, что «цветок» уже разминировали. Приглашали специально для этого российских миротворцев. Ракету вытащили, но после того, как обезвредили, зачем-то вновь воткнули ее в землю – может, для напоминания о том, что ходить по улицам небезопасно.

Сергей такого добра на своем веку уже навиделся и фотографироваться на фоне обезвреженной ракеты желания никакого не испытывал. Беляш – тем более. Он умудрился не выспаться, отчаянно зевал и равнодушно смотрел на окружающее задернутыми сонной поволокой глазами.

Где-то вдалеке пророкотал гром, но небо было чистым и ничто не предвещало, что тучи начнут сгущаться.

– Что гремит? – спросил у осетинского военного, который ведал выдачей аккредитации, Комов, протягивая ему фотографии своей группы. В комнате был установлен поляроид на треноге, но Сергей на всякий случай озаботился сделать фотографии заранее.

– А вы не догадываетесь?.. – сказал осетин.

Вероятно, он хотел завести разговор, поэтому и не ответил кратко. Сергей и сам обо всем уже догадался. Похоже, в этом августе обострение у грузинской стороны было слишком сильным...

– Что обстреливают?

– Хетагурово, – пояснил осетин. – Там напротив грузинское село. Войска стоят, пост у них там теперь. Зону разграничения они нарушили. Цхинвал стали обстреливать.

Сергей обратил внимание, что военный сказал не «Цхинвали», а «Цхинвал» – назвал город по-осетински. Он и сам в разговорах частенько именовал столицу Южной Осетии Цхинвалом, но в официальных сообщениях приходилось применять грузинское название. Политкорректность...

– Транскавказскую дорогу обстреливают. Президент приказал их вытеснить, – тем временем продолжал осетин. – Наверное, сегодня будем вытеснять.

– Вытеснять? – переспросил Сергей. – Чем? Тракторами и бульдозерами, что ли?

Он был уверен, готов был поспорить на какую угодно сумму, что осетины не пойдут брать штурмом грузинский пост. Здесь уже привыкли к миру, хотя и был он худым и зыбким. И пус-

кай грузинские беспилотники постоянно летали над Южной Осетией, а местные силовики то и дело ловили диверсантов, все равно не верилось, что боевые действия вновь могут начаться.

– Зачем тракторами и бульдозерами? – удивился осетин. – Трактора и бульдозеры они из гранатометов расстреляют. Американцы им столько оружия присылают, что на штурм Берлина хватит. Цхинвалу трудно придется, если они начнут. Укрепляются они там. Плацдарм готовят. Надо их вытеснить, пока не засели покрепче.

Военный рассказывал спокойно, точно читал лекцию по какому-то школьному предмету. Сведения, которые он выдавал, секретной информацией не считались. Любой прохожий в городе мог рассказать примерно то же самое. А уж в русских журналистах никто и заподозрить не мог вражеских шпионов! Вот если б украинцы приехали, тогда проверка была бы построже (все-таки Ющенко и Саакашвили – кумовья), но и им аккредитацию все равно бы выдали.

– Вот, – осетин протянул Сергею заламинированные карточки с фотографиями. – Желаю успеха.

Попрощавшись, журналисты покинули помещение.

– Куда поедет? – спросил оператор, когда они вышли на улицу.

Вид у Женьки был кислый. Во время разговора в Доме Правительства он ничего не говорил, стоял в сторонке, но все слышал.

– Позагорать бы, поесть вкусных лепешек с сыром и мясом и запить все это домашним вином... – начал Комов.

– Неужели? – театрально удивился оператор. – Я бы с удовольствием, но ведь у тебя другие планы.

– Угадал, – сказал Сергей.

– Хетагурово?

– Догадливый. Сейчас созвонимся с Хасаном, попросим, чтобы подвез. Хочешь, поспорим, что без застолья он с места не стронется?

– Без тебя знаю, – буркнул Беляш, но лицо его оживилось.

Арчил Гегечкори

Арчилу повезло. Родители уехали в Батуми навестить приболевшую тетку и поэтому вмешаться в события не могли. Мама конечно же не смолчала бы... А так все произошло совершенно буднично. Кто-то позвонил, Арчил открыл дверь в квартиру. На лестничной клетке стоял незнакомый мужчина средних лет.

– Вы Гегечкори? – спросил он.

Арчил кивнул.

– Собирайтесь в армию, – строго сказал мужчина. – Я из военкомата. Вот повестка, распишитесь.

Арчил нетерпеливо выхватил протянутый ему казенный бланк.

– Минимальный штраф за неявку двадцать тысяч лари, – строго предупредил посыльный. – За злостное уклонение – тюрьма.

– Что вы? – вспыхнул Арчил. – Как можно?!

– Ну-ну... – и мужчина шагнул в сторону лифта.

Душа Арчила пела, он был готов завопить от восторга. Свершилось! Наконец-то Родине потребовались его мужество и умение! Он так ждал этого! На очередной призыв на сборы непохоже, значит, предстоит настоящее дело. Замечательно!

На место сбора Гегечкори пришел на полчаса раньше положенного срока, опять порадовавшись, что родители в этот момент находятся далеко от Тбилиси. Не было слез, ненужных наставлений, просьб заботиться о здоровье, не рисковать, помнить о близких... Все вышло по-мужски – раз-два, собрал рюкзак, три-четыре, запер квартиру и – шагнул в новую жизнь.

Арчил нетерпеливо поглядывал на часы. Стрелки еле двигались. «Быстрее! Быстрее!» – подгонял он их.

Мягко прошуршали тормоза, из остановившейся неподалеку новенькой иномарки выбрался Точа Берашвили – довольный собой, прилизанный, одетый в дорогой модный костюм. Водитель достал из багажника пухлую сумку, осторожно опустил ее на асфальт рядом с Гочей. Тот сонно огляделся и встретился взглядом с Арчилом.

– Арчи!

Берашвили широко раскинул руки. Лицо его изображало такую радость, словно однокурсники не виделись бог знает сколько лет. На самом деле с момента их расставания минуло несколько часов.

Накануне вечером друзья сидели в квартире Арчила и не спеша потягивали холодное французское вино – его привез откуда-то отец Гочи. Французское марочное – это круто, напоминает, что теперь и их страна – часть Европы.

Знакомы парни были чуть ли не с детского сада. В школе сидели за одной партой, вместе поступали в университет, строили планы на будущую взрослую жизнь... После эпохальной Революции Роз отец Гочи быстро пошел в гору, теперь он работал в правительстве Грузии. Изменился и его сын – в его повадках появилась хозяйская уверенность, Гоча округлился, подернулся первым, еще нежным жирком. Неважные отметки из его зачетной книжки исчезли, некоторые преподаватели уже посматривали на молодого Берашвили со лстивым подобо-страстием, девушки вдруг прозрели и поняли, что Гоча – весьма завидный жених. К Арчилу он стал относиться немного покровительственно, но не забывал старого друга, жизнь которого складывалась пока далеко не так удачно.

– За Грузию! – провозгласил Гоча, высоко поднимая бокал с вином. – За любимую родину! За родное Сакартвело! Отцы наши сбросили более чем двухсотлетнее российское иго, а нам предстоит увидеть великую, могучую и процветающую страну!

Арчил с удовольствием присоединился к тосту. Вино чуть-чуть кружило голову, все вокруг казалось удивительно прекрасным.

– Два века... – задумчиво сказал Бериашвили, осторожно поставив бокал на стол. – Ты только представь, чего бы добился наш народ, если бы эти годы не были вычеркнуты из его истории! Земля наша богата и изобильна, мужчины сильны и мужественны, женщины верны и красивы... Эх!.. Мы могли стать финансовым центром Европы, очагом торговли, бизнеса, культуры...

– Но ведь все это будет? – спросил Арчил, с любовью глядя на друга.

– И скоро! – уверенно кивнул Точа. – Очень скоро. С нами Америка – сильнейшая страна мира, истинный оплот демократии. За нас вся Европа, скоро мы войдем в НАТО. А кто против? Дряхлая Россия, которая вот-вот развалится, но продолжает нам пакостить, подкармливает проклятых сепаратистов. Ничего! Новое поколение грузин, наше с тобой, Арчи, поколение, покажет себя всему миру. Недаром нашего президента называют образцом демократии. Давай выпьем за его драгоценное здоровье.

– Давай! – радостно согласился Арчил. – Стоя! До дна! С таким вождем мы всего добьемся!

Точа, тщательно пережевывавший ломтик сыра, с доброй улыбкой смотрел на раздухавшегося приятеля.

– Одного боюсь, – признался ему Арчил. – Вдруг все решится, пока мы в университете учимся. Скажут: «Родине нужны специалисты, а солдат у Грузии много». Что тогда будем делать?

– Не бойся... – улыбка Бериашвили стала шире. – Мы с тобой, дружище, на особом учете. Не забыл, где мы сборы проходили?

Разве такое можно забыть? В прошлом году, в марте, проводилась массовая подготовка резервистов. Призывали и студентов четвертого курса. Друзья, несмотря на то что были моложе, неведомым образом тоже попали в список.

– Значит, едем в Мухровани? – спросил тогда довольный Арчил.

– Чего ради? – ухмыльнулся Гоча.

– Из нашего университета всех туда посылают, – растерянно пояснил Гегечкори.

– Правильно, – кивнул Гоча. – И готовить из них будут стрелков. Пиф-паф, умение ведения боя и выживания в условиях города, и всякое такое прочее. А мы поедем не на восемнадцать дней, а на весь месяц. В Сенаки. Там собирают активный резерв.

– Как это? – не понял Арчил.

– Увидишь на месте... – уклонился от ответа Бериашвили.

На базе в Сенаки друзья попали в спецгруппу, с которой работали инструкторы-американцы – крепкие темнокожие парни.

– Упаси тебя бог даже за глаза назвать их не афроамериканцами, – предупредил друга Гоча.

«Афро» не «афро», но гоняли инструкторы своих подопечных до седьмого пота – в первые дни сил у Гегечкори едва хватало, чтобы доплестись после тренировок до казармы. Но регулярные занятия спортом помогли – вскоре Арчил втянулся в изнуряющий процесс, инструкторы то и дело одобрительно похлопывали его по плечу А Гоча и вовсе занимался по какой-то особой программе – больше сидел с бумагами, даже на плацу появлялся нечасто.

Американцы оказались задорными ребятами. Они обожали громко и заливисто смеяться, а в короткие свободные минуты пытались освоить местные танцы. Получалось не очень, но было видно, что в это занятие они вкладывают всю душу. Один из таких веселых перекуров заснял какой-то залетный телевизионщик. Арчил потом видел его передачу и очень расстроился: журналист сказал, что заокеанские парни исполняют «танец грузинских воров». Гегеч-

кори подумал, что так говорить нечестно – на него самого американцы произвели замечательное впечатление. Общась с ними, Арчил очень кстати и свой английский подтянул.

Он улыбнулся, вспоминая месяц, проведенный в Сенаки. Может быть, Гоча прав и начальство действительно имеет на друзей особые виды? Заметив колебания Арчила, Бераушвили положил на его руку свою прохладную влажную ладонь.

– Без нас не обойдутся, – уверенно сказал он.

И вот это время пришло...

Сергей Комов

Хасан остановил машину на окраине села. Когда они проезжали какой-никакой населенный пункт, Хасан обязательно показывал, где живет или жил его ученик. Когда-то, в другой жизни, когда еще существовал Советский Союз, Хасан Ревазов начал работать учителем математики. Не изменил он своей профессии и сегодня. Его ученики жили по всей Южной Осетии. Он мог зайти в любой дом в любое время и везде его встречали как самого дорого гостя. Сергею это очень помогало в работе...

Поселок, по сути, был одной длинной улицей. Одно-двухэтажные дома стояли по обе стороны от дороги, ведущей в Цхинвал.

«Гром» стал сильнее, доносились пулеметные очереди, длинные, как будто тот, кто держал в руках пулемет, водил им из стороны в сторону, не отпуская курок. Так стреляют по наступающим сомкнутым цепям, но этак никто не ходит в атаку уже ни один десяток лет.

– Я вас здесь подожду, – сказал Хасан. – Только зря вы туда идете. Чего-то мне все это не нравится.

– Думаешь, мне нравится? – спросил Сергей, бросая взгляд на дальнюю окраину села. – А что делать? Работа, блин, работа, работа – страсть моя...

Село просматривалось все насквозь, несколько домов было разбито, у одного обвалилась стена, но уцелела крыша, у другого крышу своротило и осталась только коробка с закопченными оконными проемами. Огонь уже погас, но в воздухе стоял едкий запах дыма. Село точно вымерло, жители его то ли покинули, то ли попрятались по домам, но хлипкие стены не убергут от снарядов, даже от пуль не уберегут...

Странную процессию они из себя представляли. Издали съемочную аппаратуру можно было легко принять за необычное оружие – камера, снабженная оптикой, смахивала на снайперскую винтовку, а штатив под нее походил на спрятанный в чехол гранатомет, который нес тот, кто должен снайпера в случае чего прикрывать. В сумке же, переброшенной через плечо, запросто могли лежать не кассеты и аккумуляторы, а боеприпасы. На поле боя съемочные группы не раз принимали за спецподразделения и обстреливали. Со всеми вытекающими последствиями...

До окраины села добрались без происшествий. Здесь были вырыты окопы, совсем не глубокие, не те, что показывают в фильмах про Первую мировую войну, когда армии Антанты и Тройственного союза стояли друг против друга месяцами, отрыв окопы в два человеческих роста. В этих, даже если прибавить к их глубине еще и высоту брустверов, сделанных из мешков с землей, все равно не удавалось спрятаться в полный рост.

В окопе сидело несколько осетин в обнимку с автоматами. Съемочную группу, приближавшуюся с тыла, они давно заметили, стали кричать телевизионщикам, чтобы шли обратно, но те перли напролом, не обращая внимания на советы.

– С ума сошли, – сказал один из солдат Сергею, когда тот плюхнулся в окоп. – Куда лезете?

– Когда начнете вытеснять грузин из села? – ответил вопросом на вопрос Комов.

– Когда подкрепление подойдет, – огрызнулся осетин.

– И когда же оно подойдет?

– Скоро.

От этого диалога толку было мало.

Беляш, напряженно сопя, натянул на объектив камеры женский чулок. Делалось это для того, чтобы оптика не отсвечивала, не то блики на камере вполне могли принять за блики на снайперской винтовке. Тогда окоп накрыли бы снарядами. На длинном фокусе – когда снималось что-то очень отдаленное – чулок становился незаметным, но из-за того, что камеру при-

ходило держать в руках, картинка качалась, будто во время шторма. А ставить камеру на штатив было нельзя. Слишком уж эта конструкция смахивала на оружие.

Между грузинским селом и осетинским располагался миротворческий пост. Грузины стреляли из гаубиц через него, навесом.

– Что там? – спросил осетинский военный Женьку, всматривавшегося в видеоискатель камеры.

Беляш не успел ответить, он толком и понять-то не смог, что произошло. Визир на камере черно-белый, цветов там нет, и его вдруг заволокло густым дымом, а потом воздух наполнился противным жужжанием и стал сотрясаться. Ракеты легли с недолетом, взорвались метрах в трехстах от окопов, подняв завесу из огня, вывороченной земли, камней и дыма. Теплая волна накатилась на окопы, как прибой, затопила их и пошла дальше.

– Уходите отсюда! – закричал осетин. – Тут сейчас такое начнется!..

Едва ли он думал, что грузины засекли камеру и, приняв ее за нечто весьма опасное, начали обстрел окопов. Скорее всего, вояки Саакашвили решили серьезно взяться за дело.

Сергей переглянулся с Женькой. Беляш отрицательно покачал головой. Впрочем, и так все было понятно. При интенсивном обстреле ни черта не снимешь. Нужно было уносить ноги. Геройство требуется лишь в разумных пределах.

До ближайших домов было несколько десятков метров. Казалось, что там начинается зона мира, и если добраться до нее, то уже не страшны будут ни ракеты, ни снаряды, ни повизгивающие над головой пули.

Телевизионщики бежали пригибаясь, петляли, прикидывая, хватит ли сил на решающий рывок. Войск в деревне нет – это мирная территория, по всем нормам она находится вне войны. Случайный снаряд туда залететь, конечно, может, но целенаправленно никто стрелять по деревне не должен...

Только, похоже, грузины о существовании правил гуманной войны не подозревали. Когда Сергей наконец-то добежал до домов, перевел дух, попытался унять дыхание, то сразу же услышал нарастающий противный свист.

– Ложись... – выдавил он. Говорить было трудно, в горле пересохло, возникало ощущение, что все там покрылось болезненными нарывами, как во время сильной простуды.

Женька и так уже шлепнулся в грязь. Они прижимались к забору, прячась между какими-то кочками. Одежда намочла, испачкалась, когда они встанут, будут походить на бродяг, у которых нет ни кола ни двора. Если встанут...

Взрыв ухнул возле соседнего дома. По забору, возле которого лежали телевизионщики, забарабанили осколки, уже на излете, забор они не пробивали, а отскакивали от него, как от брони.

– Все в порядке? – спросил Сергей, все еще лежа в грязи. Земля забила рот. Он стал отплеиваться. На зубах остался противный привкус.

Беляш не ответил. Он возился с камерой.

Грузинская артиллерия обрушилась на окопы, которые они только что покинули. Картина была жуткой. Земля там словно вскипала, как вода, в которую падает что-то тяжелое и поднимает ввысь огромные фонтаны.

Комов подумал о том, что людей, с которыми они только что общались, может, уже и в живых нет. Но надо было уходить, причем побыстрее, пока грузинская артиллерия не перенесла огонь чуть дальше и не принялась сравнивать с землей уже не окопы, а то, что находилось за ними – деревню.

На первый рывок они отдали все силы и здорово выдохлись. Так бывает, когда неправильно считаешь свои возможности – сперва оторвешься от соперников, а дистанция-то еще не закончилась, они настигают тебя, обходят стороной, а ты ничего уже не можешь поделать, остается лишь плестись позади всех и смотреть на их спины. И совсем не было времени,

чтобы перевести дух. Но и оставаться на месте, ждать, когда и тебя накроет волна огня, как накрыла она тех, кто был в окопах, было безумием.

– Охуе... они совсем! По мирным жителям хреначат... – зло выдохнул Женька.

Снаряды секли деревья, срезанные ветки падали на дорогу.

Теперь они бежали точно пьяные, покачиваясь, ноги заплетались, спотыкались на кочках и неровностях. Одному Богу известно, как никто из них не упал, не растерял оборудование.

В голове Комова крутились дурацкие мысли о том, что пулю, которая тебя достанет, ты не услышишь, а остальные – мимо пролетят. Мысли отвлекали от противного жужжания, которым наполнился воздух.

В Вашингтоне стоит памятник шести морским пехотинцам, которые водружают звездно-полосатый флаг. Он воспроизводит постановочную фотографию, сделанную на острове Иводзима во время Второй мировой войны. На самом деле, первыми флаг на острове водрузили совсем другие люди, но потом специально для репортеров эту операцию повторили, водрузили стяг побольше, так, чтобы его было видно с берега, где высаживался десант. Второй флаг – тот, что попал на фотографию, устанавливала уже другая группа. Им-то и досталась вся слава. С той поры на пьедестале памятника отмечаются все войны, в которых американцы принимали участие. Есть там и Корея, и Вьетнам. При Джордже Буше пьедестал стал заполняться быстрее, чем прежде, но все равно не так быстро, как пополнял перечень «своих» войн Комов. За последние пятнадцать лет он стал свидетелем практически всех заварух, если, конечно, не брать в расчет те, что чуть ли не ежемесячно происходят в Центральной Африке. Теперь Сергей начинал опасаться, что и Южная Осетия появится в его личном перечне войн. В отличие от washingtonского. Грузин, конечно, натаскивали американские инструкторы, но это еще не повод, чтобы Южная Осетия появилась на Вашингтонском памятнике...

Он вспомнил, как возмутились американцы, узнав, что Россия ввела на эту землю миротворческие войска. Грузия и штат Джорджия пишутся по-английски одинаково, американские обыватели решили, что российские войска появились на территории США и призывали немедленно сбросить на Россию атомную бомбу. Отличный показатель уровня интеллектуального развития любителей гамбургеров и их системы образования.

Впрочем, американцы действительно лепили из Грузии нечто похожее на Джорджию. Они на постсоветском пространстве везде так пытались поступить, предлагали троянских коней оптом и в розницу. Большинство от них отказывалось. Но на приманку цветных революций парочка стран все же попала. Ключевым США поставляли свое вооружение, натаскивали местный спецназ и всячески дестабилизировали обстановку. Грузия, к примеру, на самом деле превращалась в Джорджию-2. Походило это на продолжение удачной голливудской постановки – сценаристы и режиссеры не стали ломать голову, придумывая для второй части фильма новое название, а ограничились только цифрой «два», посчитав, что так будет лучше и принесет больше прибыли. Но вторая часть, как правило, оказывается хуже первой. И неважно, что в рекламу «Джорджии-2» американцы вложили уйму денег – такой пиар-кампании позавидовали бы продюсеры любого блокбастера. В прокате этот фильм скорее всего провалится и поставит студию, которая его создала, если не на грань банкротства, то в очень скверное положение. Доллар и так готов свалиться в пропасть. Скоро зелеными бумажками с портретами заморских президентов будут оклеивать стены домов, так обойдется дешевле, чем покупать на них настоящие обои...

Олег Светлов

Лекарство помогло, голова больше не болела, но не выспался Олег зверски. Впрочем, худа без добра не бывает. Прохрапевшая всю ночь соседка по купе тоже ехала в Цхинвал. Более того, ее должен был встречать зять. На машине. Соседка оказалась женщиной отзывчивой: едва Светлов спросил, не помогут ли они с зятем и ему добраться до столицы Южной Осетии, она решительно заявила, что проблем не видит, и Олег может ни о чем не волноваться.

Сухонький и остроносый зять ничуть не удивился тому, что придется везти с собой незнакомого мужчину Молча он загрузил в багажник и на заднее сиденье баулы тещи и сумку Светлова (место для того, чтобы Олег втиснулся в машину, осталось) и быстренько запустил мотор. Сообщение, что дорога небезопасна, попутчица Светлова восприняла с философским спокойствием и тут же принялась выяснять малейшие подробности жизни любимой дочери и четырех не менее любимых внуков. Зять покорно отвечал на основные вопросы, на дополнительные, на уточняющие...

Проскочили Рокский тоннель, и Олег заметил, как подтянулся водитель. Он старался гнать машину как можно быстрее, при этом настороженно поглядывал по сторонам и испуганно – на тещу. Похоже, ее зять боялся больше, чем потенциальных грузинских террористов. Лишь въехав в Цхинвал, он облегченно вздохнул.

Высадили Светлова возле лучшей в городе гостиницы «Алан», располагавшейся рядом с автовокзалом. Олег знал, что ее торжественное открытие состоялось менее двух лет назад, а в сентябре прошлого года здесь проходил Всеосетинский съезд. Грузинские спецслужбы готовили теракт против его делегатов, но диверсию удалось предотвратить...

Гостиница соответствовала уровню «трех звезд». Привычных к экзотическим курортам скоробогатеев такое жилье могло бы и не устроить, но Светлов был вполне удовлетворен.

Через несколько минут он устроился в кресле, удовлетворенно вытянув ноги. Номер чистенький, одноместный, тихий – что еще нужно человеку, который приехал в чужой город не жизнь прожигать, а работать? Вода из кранов не течет, так ее нет во всей столице Южной Осетии – грузины постарались. Об этом Светлова предупредили при заселении в гостиницу, и он озаботился купить пятилитровый баллон «Аквы дистиллята» – на первое время хватит.

Усталость одолевала, и Олег решил, что стоит поспать. Обеденное время давно уже минуло, а планы его не требовали особой спешки. Начать выполнение задуманного можно было и завтра.

Сергей Комов

Хасан стоял у машины, переминаясь с ноги на ногу, как командир танка, который слышит, что на окраине деревни идет бой, но вынужден ждать распоряжения командования и только после этого сможет сдвинуться с места.

«Оставаясь в резерве, полк потерял уже треть своего состава», – всплыло в памяти Комова. Это из «Войны и мира». Из фильма.

– Наконец-то! Ну, слава богу, – всплеснул руками Хасан.

Он нагнулся и что-то сгреб в ладонь. Пыль? Так в сказке – главный герой берет с собой горсть родной земли, а потом, оказавшись в далеких краях, стоя перед многочисленной армией противника, разбрасывает ее в стороны, и из каждой крупинки Родины поднимаются несметные отряды его соплеменников. Но в руке у Хасана были осколки. Целая горсть. Видимо, он, от нечего делать, собирал их по округе, пока ждал съёмочную группу, а потом сложил возле своих ног. Из такого друга не прорастут...

– Вот, – сказал Ревазов, показывая осколки.

Они были с острыми, зазубренными краями, о них можно было порезаться. Хасан хотел выбросить их, но Сергей его остановил.

– Дай, – сказал он.

– Зачем они тебе?

– Пригодятся.

Они побросали вещи в машину так споро, точно она могла сорваться с места, не дожидаясь их. Комов обернулся. Над селом поднимались огонь и дым – в дома попало еще несколько снарядов. Потом он смотрел в зеркало заднего вида. Оно дрожало, как дрожит камера на дальнем фокусе, и горящая деревня все время вываливалась из поля видимости. Наконец страшное зрелище отодвинулось, ушло за горизонт.

– А я боялся, что ты уедешь, – честно признался Сергей. – Стреляли-то прямо в тебя почти.

– Как я вас брошу? – Хасан развел бы руками, не будь они заняты рулем. Если б они ехали по ровной дороге, он бы ими точно развел, но машина постоянно подпрыгивала на кочках, и руль рвался из рук...

В одном старом фильме, пограничник, глядя на то, как пролетают над ним эскадрильи немецких самолетов, говорит: «Какая провокация!» Он упорно не верит в то, что таких провокаций просто не бывает. Уже близится полдень, уже и застава разбита, почти все его товарищи погибли, а он все твердит одно и то же.

– Это война, – говорит тогда пограничнику его товарищ, разрушая все воздушные замки, которые тот выстроил у себя в голове.

Но у героев фильма оставалась надежда, что им на помощь движутся войска Красной армии – непобедимой и легендарной. Они не знали, что советские войска вернутся на эту землю только через несколько лет... А что происходит здесь?

Сергей гнал из головы эти мысли. Если он сто раз повторит, что происходит очередная грузинская провокация, что-то изменится? Зачем себя-то обманывать? Действительность все равно не начнет стекать, как виртуальная картинка, за которой проступают привычные очертания твоей комнаты.

Компьютерная игра о том, как доблестные грузинские военные подавляют восстание сепаратистов где-то на границах с Россией, была сделана еще семь лет назад. Для написания этой хреновины пригласили Тома Клэнси, входящего в число самых высокооплачиваемых писателей мира. Именовалась она, помнится, Ghost Recon. В этой стрелялке Россия выступает на стороне южноосетинских сепаратистов и в августе 2008 года нападает на Грузию. Маленькую, но оч-чень гордую страну захлестывают орды оккупантов, но в дело вступают непобеди-

мые солдаты США и НАТО. Игрок (естественно, воюющий по сюжету шутера против России) после победы оказывается в числе героев-спецназовцев, захватывающих Кремль. Удивительно, но пухлые и многочисленные книжки Клэнси очень нравились Билу Клинтону. Видать только печатный поп-корн могли воспринимать его мозги в промежутках между решением государственных проблем и развлечениями с расплывшейся от гамбургеров и картошки-фри Моникой Левински.

Сергей просматривал ту игру, она вызывала у него омерзительные воспоминания, точно он испачкался в дерьме. Но на этот раз они попали по другую сторону компьютерного экрана, а здесь если уж противник в тебя стреляет, то по правилам реальной игры дополнительной жизни тебе не дадут. Она у тебя только одна. Страшное ощущение.

Что будет дальше? Черт его знает. Если Саакашвили решил, что пришла пора отрабатывать сребреники, полученные из-за океана, добром все не кончится. Россия? Вся концовку ушедшего века ее руководство то и дело гневно тарасило глаза и сурово помахивало пальцем. Результат? Нулевой, если не со знаком минус. Плевало так называемое мировое сообщество на этот словесный понос. Правда, времена меняются...

Всю дорогу они нервно курили, вытаскивали сигареты из пачки одну за другой, потому что хватало их на три-четыре длинных затяжки. Окурки начинали жечь губы, пальцы пропитались запахом табака. Они выбрасывали окурки за окно, точно помечали ими свой путь. Хасан давно уже не курил и не любил, чтобы в его машине курили, но на этот раз замечаний делать не стал – понимал, в каком состоянии находятся его пассажиры. Похоже, он и сам был бы не против в первый раз за много лет тоже затянуться сигаретой.

Странное ощущение испытывал Сергей, въехав в Цхинвали. Война сюда еще не докатилась, жизнь шла по привычному, размеренному распорядку. Здесь еще не понимали, что происходит всего в нескольких километрах от города, на который накатывалась гигантская волна. Она уже захлестнула побережье, смыла все дома, которые там стояли, и какие дамбы не возводи – ее все равно не остановить, потому что осталось слишком мало времени...

– Я камеру не выключал, – негромко сказал Беляш.

– Вообще? – спросил Сергей.

– Нуда. Картинка дрожащая получилась, но думаю, будет видно, как обстреливали...

Они доехали до своего дома. Тот стоял пустой, хозяйка, похоже, к соседям ушла. Хасан отправился в автомастерскую. Выяснилось, что один из осколков все-таки задел машину и оставил глубокую царапину на переднем крыле. Нужно было посмотреть – нет ли более существенных повреждений.

Телевизионщики расположились на первом этаже, на старом, ужасно скрипящем диване с протертой, но еще не прорвавшейся обивкой. Теоретически камеру можно было подключить к телевизору, который стоял в комнате, но пришлось бы тогда искать нужные провода, их могло не оказаться, да и телевизор был старый, с выгнутым экраном и сделанным под дерево корпусом, возможно, что в его конструкции не предусмотрели вероятность подключения еще каких-то приспособлений.

Оператор отогнул от камеры экран – он убирался вбок совсем как стекло заднего вида на машине, плотно прилегая к корпусу.

– Заряжай, – сказал Комов.

Женька нажал на кнопку воспроизведения. Картинка походила на то, что Сергей видел в стекле заднего вида в машине Хасана. Она так же дрожала. Камера раздвигала кусты, протискивалась через них, смотрела на грузинские позиции. Потом оператор нес ее в руке, объектив чуть наклонился, на картинке была земля. Такое, наверное, должна видеть собака, когда она бежит, опустив голову, и нюхает чьи-то следы. На звуковой дорожке записалось их дыхание, тяжелое и хриплое. Они видели свои лица, немного испуганные, вновь испытывали боль, когда

падали, разбивая коленки, но боль эта была уже глуше настоящей, той, что они испытывали в реальности.

– Вообще-то офигительно получилось, – сказал Сергей. – Буду в Москву звонить. Надо про все это рассказать.

– Ага, – сказал Беяш.

Арчил Гегечкори

Арчил, облаченный в камуфлированную форму, робко жался на уголке широкой скамейки. Мимо пробежали вооруженные сосредоточенные люди, у каждого из них было свое дело, и Гегечкори остро чувствовал свою никчемность и ненужность.

– Арчи!

Точа призывно махал ему рукой. Арчил сорвался с места и бросился к другу.

– Ну, все решено, – быстро зашептал тот. – Пойдешь со спецгруппой, – Берашвили многозначительно поднял вверх палец. – Особой группой! – И снова зачастил: – Повезло тебе! С вашим заданием в историю войдете! Такое дело раз в жизни можно получить...

– Постой, Точа, постой... – растерялся Арчил. – Что делать-то нужно будет? Я справлюсь?

– Само собой, – уверенно заявил Берашвили. – Я обо всем договорился. У них один боец неожиданно слетел. Сожрал что-то не то... Да не волнуйся! Минное дело ты изучал...

– Только на сборах, – напомнил Гегечкори, – и то не сильно.

– Ерунда! – махнул рукой Точа. – Специалистов в этой группе хватает. Парень ты крепкий, спортсмен. Русским и английским владеешь прилично...

– Это-то зачем? – не понял Арчил.

– Язык врага всегда знать полезно. А старшим с вами американец идет, – пояснил Берашвили. – Это, брат, такой американец... О! От него многое зависит. – Он внимательно посмотрел на друга, обхватил за плечи, ткнулся ему в грудь вспотевшим лбом, отстранился и почти проскандировал: – За-ви-ду-ю! Вернемся в университет, зайдешь в аудиторию, на груди – боевые награды... Не то что я...

– А ты разве не со мной? – расстроился Арчил.

– Меня в штабе оставляют, – вздохнул Точа. – Видишь? – и он расправил свои покатые плечи.

Только теперь Гегечкори заметил, что на друге красуются офицерские погоны.

– Человек должен соответствовать месту, которое занимает, – туманно пояснил Точа.

Спецгруппа занимала небольшую комнату в казарме. Два парня лет по тридцать лениво повернули головы в сторону робко появившегося на пороге Арчила, но не произнесли ни слова. Третий (он был постарше) спрыгнул с подоконника и строго посмотрел на Гегечкори. Арчил, стараясь ступать увереннее, подошел к нему и представился, как учили. В ответ – ни звука. Темные, чуть навывкате глаза внимательно изучали замершего по стойке «смирно» резервиста.

«Все правильно, – думал Гегечкори. – Я для них новичок. Кот в мешке. А ведь нам вместе идти в бой...»

– Зови меня Вороном, – наконец заговорил темноглазый. – Это, – он мотнул головой в сторону молчаливых парней, – Гия и Котэ. Старшего группы будешь звать Боссом. А ты с этого момента – Студент.

– Слушаюсь, – быстро ответил Арчил.

– Вольно, – усмехнулся темноглазый. – Ремень подтяни потуже. Ботинки не жмут?

– Нет, – замотал головой Арчил, хотя, честно говоря, обувь была ему тесновата.

– Хорошо... – Ворон указал на лежащий в углу комнаты рюкзак. – Надень на плечи.

Тяжело?

– Терпимо, – улыбнулся Гегечкори.

– Хорошо, – повторил темноглазый. – Имей в виду, не исключено, что придется долго идти. По горам.

– Выдержу, – заверил Арчил.

– Присядь. Встань. Попрыгай. Теперь бегом. Присядь. Встань.

Жесткие пальцы Ворона сжали запястье Арчила, нащупали пульс. Темноглазый помедлил, потом удовлетворенно кивнул:

– Снимай рюкзак. Можешь отдохнуть.

Сергей Комов

На площади перед Домом Правительства стоял микроавтобус «Газель», с логотипами одного из центральных телеканалов. Сверху к нему крепился огромный багажник, похожий не то на рюкзак, не то на горб. Несмотря на свою обтекаемую форму, он сильно портил аэродинамические свойства машины. Зато, когда эта крышка снималась и в рабочее положение приходило то, что под ней пряталось, это было сродни тому, что у горбуна вместо горба крылья окажутся. Самонаводящиеся ракеты, почувствовав такую приманку, устремлялись бы только к ней. Под крышкой багажника находилась огромная железная «тарелка», размером примерно такая же, как металлические круги, на которых дети катались когда-то с горок, только она была потолще. Ей важно было поймать сигнал спутника, поэтому «тарелка» принимала любое положение. С ее помощью можно было передавать какую угодно картинку из любой точки мира, главное, чтобы поблизости находился спутник (если можно считать, что космос – это поблизости) и вокруг не было строений, которые могли бы отразить сигнал от «тарелки».

Внутри машины высилась стена разнообразных приборов: усилители, магнитофоны под любые носители. Лет десять назад все работали на одном формате кассет, но теперь такого единодушия не было, снимали кто на чем горазд.

Генератор гудел не переставая, расходуя на питание «тарелки» дефицитный и дорогой бензин, но иначе никак не получалось. Генератор был прожорлив и, когда «тарелка» работала, поглощал бензин не хуже огромного внедорожника, под капотом которого запрятана пара сотен лошадиных сил. Однажды бензин в генераторе закончился как раз во время перегона картинки, и «тарелка» стала мертвой, вся система отключилась, как городские улицы, когда прерывается подача электричества. Очень не любили телевизионщики этот случай вспоминать... На всякий случай в «Газели» хранились три пластиковые канистры, доверху заполненные бензином. Солидный запас приходилось пополнять чуть ли не каждый день, потому что «тарелка» была одна на всех, а желающих что-то передать в Москву было много. Они приходили и точно милостыню выпрашивали.

Мобильник Сергея почти разрядился. Показатель зарядки аккумулятора давно был уже красным, и скоро телефон должен был начать жалобно пищать, требуя жратвы-электроэнергии.

Перед «Газелью» стояла катушка с намотанными проводами, концы которых скрывались в машине. Там они были подключены к аппаратуре. Сбоку на катушке было несколько розеток.

– Эй, ребята, я телефон свой у вас подзаряжу? – спросил Комов.

– Валяй, – ответил ему кто-то из машины.

Тем временем Женька с техниками искали необходимые кабели, чтобы подключить камеру к аппаратуре. Из машины слышались обрывки переговоров с московской студией записи.

Сергей вставил зарядник в телефон, воткнул его в розетку, положил мобильник поверх катушки, а сам встал рядышком и закурил. Вообще-то курить накануне прямого эфира не рекомендуется, голос садится. Лучше покурить после, когда не страшно и закашляться, но... Нервы надо было успокоить.

Комов уже рассказал техникам о том, что происходило в Хетагурово. Они, в свою очередь, поделились с ним информацией: несколько часов назад грузинские миротворцы ушли с мест своей дислокации в сторону «ридной неньки Картлис деды» – матери-Грузии. Забрали с собой оружие и вещи и смылись. Выводы напрашивались сами собой.

– Нам-то сваливать не пора отсюда? – спросил у Сергея техник.

За этот день он общался с несколькими съемочными группами и, наверное, каждой из них задавал один и тот же вопрос, но, независимо от ответов, куда он мог уехать? И сам техник, и его «тарелка» были нужны здесь всем.

Комов посмотрел на часы – до прямого эфира оставалось еще тридцать минут. Он бросил окурочек, растер его подошвой ботинка и присел на бордюрный камень. Несмотря на жару, камень был холодным, холод проникал сквозь джинсы и мешал сосредоточиться. Сергей положил на камень блокнот, сел на него, достал из сумки другой блокнот и ручку, вытянул ноги и стал писать текст сообщения. Иногда времени, чтобы подготовиться, совсем не было и приходилось говорить все, что приходит тебе в эту секунду в голову, в прямом эфире. Удерживать стройность мысли было трудно. Хотелось ведь и про то рассказать и про это, а эфирное время ограничено, но когда начнешь рассказывать, когда увлечешься этим рассказом, представляя все, что видел и что знаешь, за временем как-то не следишь... Окрик в наушнике: «Заканчивай!», как глас небесный, может сбросить с небес кого угодно и заставить мямлить, пытаюсь в оставшиеся несколько секунд завершить свой рассказ каким-никаким логическим окончанием.

Если было хоть чуть-чуть времени, Комов набрасывал текст своего сообщения – иногда лишь тезисно, иногда более полно. Точно писал сценарий – роль для самого себя, которую надо будет сыграть всего лишь через несколько минут. С одной стороны, он находился в более выгодных условиях, чем актеры, вынужденные в точности воспроизводить написанное в сценарии – он ведь мог легко от него отойти, но с другой – если бы сыграл первый дубль плохо, шанса исправить все во втором у него не было.

– Время, – сказал оператор. – На точку встанешь?

Сергей оторвался от записей. Вообще-то он уже все написал и вот уже некоторое время перечитывал текст, шлифуя.

– Камеру и без меня выставить можешь. Кого-нибудь поставь в кадр. Вон сколько пацанов вертится. Я попозднее подойду...

– Капризный ты, – скривил физиономию Женька. – Ладно. Поставлю. Эй, парень, подь сюда. Ты, ты, лопухий. – Потом опять обратился к Сергею: – Но ты хоть минут за пять до эфира подойди, надо ведь «ухо» на тебя повесить и микрофон.

– Подойду. Помню я. Помню...

Комов все-таки чуть опоздал, но ему иногда случалось приходиться на эфир за минуту до прямого включения, а однажды и вовсе только Сергей успел войти в кадр, как тут же пришлось говорить. На сей раз время еще было. На него повесили наушник, который все называли просто «ухо». Микрофоны на журналистском сленге тоже имеют свои имена – тот, что называется «удочкой», действительно крепится на некоем подобии телескопического удилища, вот только оно совсем не гибкое, потому что вытягивать с его помощью рыбу из воды не требуется. Этот микрофон самый удобный. Его не надо держать в руке и думать о том, чтобы он всегда был направлен на твои губы, иначе звук может оказаться плохим. Тот, что крепится к одежде, не дай бог задеть, когда начнешь жестикулировать! Ладно, если только звуковыми помехами дело ограничится, а то ведь микрофон и слететь может. «Удочку» же держал ассистент оператора. В его обязанности входило и за чистотой звука следить, и за тем, чтобы микрофон был направлен на губы говорящего и чтобы тот не задел его ненароком.

– Москва с тобой поговорить хочет, – сказал Женька.

– Как меня слышно? Прием, – произнес Сергей.

– Отлично слышно, – услышал он голос звукооператора. – С ведущим поговорить хотите?

– Да.

– Привет, Серега, – он не видел, с кем разговаривает, но узнал по голосу.

– Здравствуй, Володя.

– Ого, какой ты красный! Поди загорал весь день? – спросил Владимир. У него на экране в студии выводилась картинка с «тарелки». Конечно, ведущий знал, что происходит в Южной Осетии. Информационные агентства присылали множество сообщений. Но ему хотелось подбодрить корреспондента.

– Ага. Очень здесь жарко, – последнее слово прозвучало двусмысленно. – А у вас там как?

– Пасмурно. Дождь льет весь день.

– Как я хочу дождь!.. Ты просто не представляешь.

– Слушай, мы с тобой на первых минутах включаемся, только я сначала прочитаю коротенькое сообщение, – и ведущий воспроизвел написанный на листочке текст. Перед прямым включением нюансы всегда обговаривались – нельзя же знать абсолютно все и нужно хоть немного подготовиться. Неожиданные вопросы задавались корреспонденту крайне редко – только если приходила совсем уж новая информация и ее надо было срочно сообщить.

– Потом спрошу, что сейчас происходит, – предупредил Владимир.

– Хорошо. Сколько мне времени дают?

– Сколько захочешь.

– Ого! Щедро...

Стемнело. Цхинвал погрузился в темноту, потому что его жители боялись зажигать свет. По освещенному городу удобнее стрелять. Оператор выставил осветительные приборы, направил их на Сергея. От них шел жар, еще более неприятный оттого, что воздух был душным и горячим. Все, что было позади Сергея, потерялось в темноте, и с таким же успехом он мог бы стоять в темном переулке Москвы, в котором хулиганы разбили все фонари. Никто не почувствовал бы разницы, а тот гул, что раздавался где-то вдалеке, можно было принять за что угодно, не обязательно за разрывы снарядов. Ходил анекдот о том, как один радиореporter забыл записать звук Ниагарского водопада, но, когда стал делать сюжет, этот шум ему оказался просто необходим, тогда он пошел в туалет, включил запись магнитофона и спустил воду.

– Какой превосходный у вас был звук! – говорили ему потом. – Такой естественный!

Сергей слышал, как начался выпуск новостей, и мысленно проговаривал свой текст. Он появился на экранах, сперва молчал, пока его представляли, потом начал говорить, показывать осколки, которые взял у Хасана. И еще он называл столицу Южной Осетии «Цхинвал», как и все ее жители, которые давным-давно отказались от окончания «и», лишавшее их город его индивидуальности, как и остальные, навязанные, грузинские названия.

Одно время у журналистской братии в ходу был анекдот из времен, когда прибалтийские государства отделились от Советского Союза. Выходит мужик утром из дома и начинает звать свою собаку. «Шарик, Шарик», – кричит он, но пес спрятался в будке и не отвечает. «Шарикас, Шарикас», – начинает звать хозяин, и после этих слов пес с радостью выскакивает из будки и заливается радостным: «Гавкас, гавкас!» Любые попытки причесать все под язык и традиции «титупной нации» Комов считал глупостью. Причем глупостью очень опасной.

– Сколько вышло-то? – спросил Сергей у оператора, когда передача закончилась.

– Я примерно только засек. Минуты четыре. Хочешь – посмотри. Я записал все.

– Не хочу.

– Теперь-то чего делать будем? – осведомился Беляш.

– Подожди...

Сергей почувствовал, что завибрировал телефон. На время эфира он всегда либо выключал его, либо ставил прием в режим вибрации. Вдруг кто позвонит в самую неподходящую минуту?

Звонила жена. Голос у нее был испуганный. Сергей принялся ее успокаивать, говорить, что на рожон не лезет, сидит в глубоком тылу и ничего ему не грозит, но ведь она видела его включение и снятые Женькой картинки, так что понимала: все, что Сергей говорит, – неправда.

Беречь себя и не лезть на рожон приказали им и в редакции. Если возникнет реальная опасность – немедленно уезжать из Южной Осетии. Трупы никому не нужны. Здесь они – иностранцы.

– Ну, так что будем делать? – переспросил Женька, когда Комов закончил разговор.

– Поесть бы надо...

– Точно. Целый день ничего не ели, – согласился оператор.

Сергей чувствовал, что действительно очень проголодался. Но поужинать так и не получилось. Зазвонил телефон, сперва Комов подумал, что звонят с работы – либо поблагодарить его за сообщение, либо, напротив, отругать, но на определителе высветился незнакомый номер.

– Да? – сказал он, потом молчал несколько секунд, слушая. Его лицо, только начавшее расслабляться после включения, вновь стало серьезным.

– Что там еще стряслось? – спросил Женька.

– Не получится у нас поесть. Командование миротворцев всех журналистов собирает у себя.

– Прямо сейчас?

– Да.

– Похоже, плохо дело, – подытожил Беляш.

Эйнар

Эйнар с тоской смотрел в окно.

Как все надоело! Чужой шумный город, чужая страна, абсолютно чужие люди. Интересно, они нормально разговаривать умеют? Без воплей, без размахивания руками? Эти двое орут уже минут двадцать. Сошлись, что-то втолковывают друг другу. Сейчас начнут обниматься. Такое ощущение, что расстанутся навек. Разошлись, но можно поспорить, что ненадолго. Точно! Один остановился, обернулся... Аж приседает от напряжения, еще бы – до собеседника добрых пятнадцать метров. Опять орут. Сходятся. Машут руками, как мельницы. Теперь-то зачем вопить – стоят глаза в глаза? Снова обнимаются. Расходятся. Теперь второй о чем-то вспомнил. Мерзкий у него голос. Наверное, привык баранов на пастбище распугивать. А вырядились так, что смотреть тошно. Форма вдоль и поперек перетянута ремнями, значков понацепляли. Офицеры, мать их... Важные, спесь так и прет. С ними только американцы управиться могут. Не стоит и морды бить – пообещай доллар, и ноу проблем... Заткнутся когда-нибудь эти два урода или нет? Опять обнимаются, сволочи!..

Выругавшись, он отошел от окна. Надоело! Опротивели дурацкие горы, неестественно яркая листва деревьев, шашлычная вонь, ползущая из каждой щели. Одно утешение – скоро все это закончится. Два-три дня, и сепаратистская «Республика Южной Осетии» станет очередным историческим воспоминанием. Таким же, как «Сербская Крайня». Грузинские части под командованием орущих во дворе олухов быстро дойдут до российской границы. А куда им деваться – американцы и не таких дрессировали. Нищие осетины получают урок на весь остаток их бесполезной жизни. России придется в очередной раз утереться...

Эйнар зло скрипнул зубами.

Он ненавидел Россию. За оккупацию тысяча девятьсот сорокового года. За то, что русские нагло отказываются возмещать убытки, понесенные прибалтийскими государствами за полвека советского гнета. За свою несложившуюся жизнь. За то, что они сумели одурманить коммунистической пропагандой самого близкого некогда Эйнару человека – его мать.

Она не могла понять сына. Молча слушала его гневные речи, но не соглашалась. Иногда пыталась переубедить. «Как бы мы жили без помощи властей, после того как погиб отец?» – спрашивала она. Неужели непонятно, что, если бы русские не пришли, отцу не пришлось бы работать в колхозе? Он мог бы стать хозяином, да что там – стал бы им! Хозяином, а не рыбаком! И не утонул бы в море...

Русские понастроили заводы? Кому они нужны? Крестьяне, имеющие свою землю, свои фермы, без труда могут снабжать всю Европу молоком, маслом, сметаной... А туризм! Умные люди рассказывали Эйнару, что их государство легко может стать центром мирового туристического бизнеса. О том, чтобы увидеть неброские, но такие привлекательные берега Балтийского моря, мечтают миллионы! Но они не приезжают... Они не покупают несравненные по качеству и питательности продукты. Почему? Но ведь это любому ясно – боятся! Боятся жестокой и коварной России, нависающей над молодыми демократиями Прибалтики, вынашивающей планы вновь поработить их...

«Ты первый в нашем роду смог получить высшее образование», – напоминала мать. Кому нужны эти корочки? На Западе они совсем не котируются. Да и не за знаниями шел в институт Эйнар. Секция пулевой стрельбы – одна из лучших в Советском Союзе – вот что его привлекало! Грезилась громкие победы, поездки за рубеж, Олимпийские медали, слава... Он был юн и не понимал, что мечтает о невозможном. Почему тренер отдавал предпочтение не Эйнару, а вихрастому пареньку, с которым они пришли в секцию чуть ли не в один день? Да потому, что вихрастый был русским! Стрелять соперник умел, это Эйнар признавал. А могло ли быть иначе, если тренер только с ним и возился? Молодежная сборная республики, потом команда

СССР – все это досталось вихрастому... Эйнар выполнил норматив мастера спорта, и на этом все закончилось. Вместо сладостных вояжей по миру ему подсунили паршивенькие советские гостиницы и третьесортные соревнования. «Работай, – говорил тренер. – У тебя есть способности, но, чтобы они проявились полностью, нужно много трудиться». Подлый лжец!

Когда Советская империя наконец рухнула, Эйнар понял, что с детскими мечтами придется распрощаться – его годы безвозвратно ушли. Конечно, в стрелковом спорте можно добиться немало и в достаточно зрелом возрасте, но...

В одном тренер не обманул – способности к стрельбе у Эйнара действительно были. И применение им нашлось. Приднестровье, Чечня, Абхазия... Он немало поездил по обломкам коммунистической державы. Обнаружилось, что имеется много мест, где востребованы верный глаз и умение плавно спустить курок. И люди, готовые щедро оплатить его труд, пока что не перевелись.

Свою работу Эйнар выполнял честно и с удовольствием. Убивая русских, он платил по старым счетам. В паспортах жертв могли значиться другие национальности, но какая разница? Они прогибались перед Россией, оправдывали ее действия, а значит – были русскими и личными врагами Эйнара...

Грузинские офицеры, базлавшие под окном, наконец-то угомонились. Не позавидуешь их подчиненным. Впрочем, небось такие же придурки. При этом объявляют себя европейцами... Смех и грех! Но Эйнар им не подчинен. У него только один командир – человек, отдающий приказы и выслушивающий отчеты об их исполнении. Он и рассчитается с Эйнарком, когда дело будет выполнено.

Они знакомы не первый год, но его имени Эйнар не знает. «Звать меня будете Полковником», – сказал шеф при первой встрече. Полковник, так полковник – Эйнару все равно. А вот угадать национальность шефа хочется. Полковник свободно говорит по-английски, по-немецки, по-французски... С Эйнарком беседует по-русски. Что поделаешь, то и дело приходится использовать язык оккупантов, ведь английскому ни в школе, ни в институте Эйнара так и не научили – еще один счет, который русские оплатят сполна. Так вот, по-русски Полковник говорит без малейшего акцента, но, если нужно, акцент тут же появляется – прибалтийский, молдавский, грузинский...

Эйнар покосился на часы. Большая стрелка вот-вот подтянется к цифре двенадцать. Едва это произойдет, дверь без стука распахнется и войдет шеф. Полковник невероятно ценит точность и исполнительность...

Шеф молча включил телевизор, плюхнулся в кресло, извлек из кармана пачку «Мальборо», закурил. Эйнар табачный дым не переносил, но свое недовольство ничем не выразил.

Грузинский телеведущий о чем-то азартно трепался. Шеф покосился на Эйнара, пощелкал переключателем каналов, нашел российскую программу. Передавали выступление Саакашвили. Он говорил о том, что приказал отвести войска и не отвечать на осетинские провокации, что завтра начнутся переговоры, о необходимости установить прочный мир и решать проблемы принятыми в цивилизованном мире методами...

Эйнар недоуменно посмотрел на Полковника. Тот заметил удивление подчиненного, растянул губы в улыбке, демонстрируя длинные лошадиные зубы и белесые десны, пояснил:

– Не бери в голову Так нужно. Этот, – он пренебрежительно качнул головой в сторону экрана, – говорит то, что ему положено. Исполнительный!..

Вновь начал переключать каналы. Пекин, Пекин, Пекин... Яркая радость спортивного праздника, счастливые лица участников Олимпиады. Эйнар почувствовал, как ненависть вздымается в нем черной волной – и он мог в этот момент ликовать под темным небом китайской столицы. Не дали...

Спортивные новости шефа явно не интересовали, наконец он наткнулся на интервью известной российской правозащитницы. Оплывшая, смахивающая на жабу-переростка тетка

кликушествовала: ругала власти, сетовала на отсутствие в стране демократии, утверждала, что тбилисские лидеры идут единственно правильным путем, грозила судом Божьим, который придет с Запада... Телеведущая – кучерявая, крашенная хной девица не первой свежести – азартно ей поддакивала.

Эйнар с удовольствием слушал жабообразную. Она была русской, а значит, достойна только презрения, но ненавидела Россию и ее народ, а это Эйнару нравилось. К сожалению, передача быстро закончилась.

– Ну что ж, – негромко произнес шеф, – и это неплохо... На безрыбье, как говорят русские, и рак – рыба.

Он замолчал и, насупившись, стал о чем-то размышлять.

– Почему она не выезжает на Запад? – осторожно спросил Эйнар, имея в виду правозащитницу.

– Кто? – спросил шеф, отвлекаясь от раздумий. – Ах, эта... Кому она там нужна?

Заметил недоумение в глазах подчиненного и снисходительно пояснил:

– Она ненавидит весь мир, даже Господа Бога. Переедет к нам, и так же будет твякать, выискивая и придумывая недостатки. Нет уж, пусть лучше облаивает русских. Глядишь, кто-нибудь и уверует в ее слова. Догматики полезны. Если они говорят вещи, нужные нам, и готовы за свои убеждения пойти на костер, можно сделать из них знамя. Самое главное, чтобы жизнь у этих глупцов не складывалась. Любой факт можно показать в нужном ракурсе. Удрал с поля боя и загремел под трибунал? Значит, преследуется за пацифизм. Выгнали за полную бездарность из института? Ломают судьбу талантливого человека, доводят до самоубийства. Заперли в психушку, потому что там придурку и место? Это еще надо доказать. Раз человек не кусает прохожих, значит вполне вменяем. А лечат его насильно, чтобы подавить волю и стремление к демократии. Факты и причины, лежащие в их основе, забываются быстро, зато трактовка закрепляется в статьях и книгах, становится общепринятой версией, а там и вовсе – частью Истории... Впрочем, эти материи нас с тобой не касаются, пусть на них зарабатывают болтуны, коих хватает во все времена. А мы – люди дела...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.